

В предыдущем номере напечатана статья Андрея Фурсова, показывающая, что нынешний финансовый кризис — это лишь первое звено целой системы глобальных катаклизмов, которые в перспективе могут изменить облик человечества. Публикуя статью ведущего экономиста М. Делягина, редакция продолжает разговор на поистине животрепещущую тему.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

НАЧАЛО БОЛЬШОГО СЛОМА

Материалы к обсуждению

При всей своей эффектности глобальный финансовый кризис является лишь внешним проявлением значительно более глубокого и масштабного, практически всеобъемлющего изменения человечества, — подобно тому, как незначительные высыпания на коже могут свидетельствовать о глубочайших внутренних изменениях организма.

Человечество начало глобальный переход к качественно новому состоянию, к принципиально иной организации самого общества, чем та, к которой мы привыкли и с которой традиционно отождествляем себя.

Поскольку мы находимся лишь в самом начале этого пути, мы можем выделить лишь некоторые его направления. Они проявляются первыми и сегодня кажутся нам ключевыми просто в силу своей очевидности и наглядности. Однако нет никакой гарантии того, что через некоторое время, по мере прояснения общей картины, они не окажутся второстепенными или даже вовсе случайными, не имеющими прямого отношения к разворачивающимся фундаментальным процессам.

1. Информационная революция корёжит системы управления

Организация человеческого общества определяется структурой его управления. И вот эта-то структура оказывается всё менее дееспособной, причём её вполне наглядно разрушает сам технологический прогресс, в наиболее общем виде — информационная революция.

Прежде всего, информационный взрыв уже второй раз в истории человечества (после изобретения книгопечатания Гуттенбергом) качественно увеличил объем имеющейся информации. Соответственно, качественно же увеличилось и количество людей, самостоятельно задумывающихся на абстрактные (то есть не имеющие отношения к текущим нуждам практического выживания) темы.

Сложившиеся в прошлой реальности системы управления (включая официальную науку, выродившуюся из процесса поиска новых истин в процесс подтверждения нюансов истин старых) не могут переработать такой объем информации и “переварить” такую массу относительно самостоятельных людей.

В результате они начинают “сбоить”, вызывая общественные катаклизмы, в горнилах которых и выковывается новая система организации человеческого общества. В прошлый раз это были чудовищные религиозные войны (в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо), увенчавшиеся Вестфальским миром, выработавшим современный тип государства.

Как будут развиваться текущие события, пока не ясно – ясно лишь, что основные предпосылки для переформатирования человеческого общества уже сложились.

Существенно, что в ходе глобализации возник и по-настоящему уникальный феномен, который не проявлялся никогда раньше, за всю наблюдаемую историю человечества.

Дело в том, что те самые технологии, которые максимально упростили все виды человеческой коммуникации (что, собственно, и лежит в основе феномена глобализации), обеспечили превращение в наиболее выгодный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания. “Общедоступный” и одновременно “наиболее выгодный” – означает массовый и даже основной вид деятельности если и не всего человечества, то, по крайней мере, его развитой и успешно развивающейся частей.

Это качественное изменение почему-то, как правило, упускается из виду теоретиками глобализации, – а между тем оно представляется фундаментальным. Оно меняет сам характер человеческого развития: если раньше, на всём протяжении своего существования, человечество выживало и развивалось за счёт преобразования окружающей среды, то теперь оно впервые начинает – по крайней мере, пытается – выживать и развиваться за счёт изменения самого себя.

Да, экологи, возможно, взвоют от восторга: человечество, вероятно, ощутив приближающиеся пределы допустимого антропогенного воздействия на природную среду, начало само приспособлять себя к ней, – это ещё больший триумф природоохранного подхода, чем добровольный массовый отказ от благ цивилизации.

Однако не стоит забывать, что формирование человеческого сознания на всех уровнях его существования – от индивидуального до, по крайней мере, группового – осуществляется стихийно, хаотично и, строго говоря, случайно. И степень соответствия реальности складывающегося таким образом сознания, то есть степень его адекватности, и даже степень его устойчивости неизвестна.

Вероятна утрата или, по крайней мере, существенное ограничение способности человечества к познанию – так как главным объектом хаотического и случайного воздействия становится непосредственный инструмент этого познания.

Можно, конечно, представить себе, что функции познания и сознательно-го реагирования поднимаются на более высокий уровень, чем индивидуальное или групповое сознание, – сознание крупных коллективов и даже народов, граничащее с введённым Вернадским понятием “ноосферы”. Однако эта гипотеза не просто слишком смела, но и принципиально недоказуема, а вот вполне доказуемо и, более того, повсеместно наблюдается снижение эффективности систем управления в результате вынужденного использования ими технологий, к которым они органически не приспособлены.

Конкретные последствия многообразны; наиболее значимыми представляются следующие:

- самопрограммирование, при котором управленец и система управления в целом начинают истово верить в собственную пропаганду, даже если они начинали её осуществление, четко понимая её недостоверность;
- переход от управления изменением реальности к управлению изменением её восприятия;
- принципиальный отказ от восприятия реальности в пользу восприятия её информационного отражения (в первую очередь в СМИ);
- резкое снижение уровня ответственности;
- ограничение и снижение качества “обратной связи” системы управления с управляемым обществом.

С разной степенью остроты описанные последствия наблюдаются едва ли не повсеместно, включая такие страны с совершенно разными, но ещё недавно исключительно эффективными системами управления, как США и Китай, — и везде ведут к падению качества управления.

Наиболее драматическая картина наблюдается в США, стране, ещё совсем недавно возведшей искусство стратегического планирования и кризисного управления (то есть управления тем или иным процессом при помощи специально организуемых кризисов) на, казалось бы, недостижимую высоту. Начиная с агрессии против Ирака в 2003 году мы видим постепенную, но неуклонную деградацию этой системы, выродившейся в конце концов в управление с горизонтом планирования “до следующих президентских выборов”. Об этом свидетельствует вся экономическая политика после начала ипотечного кризиса в июле 2006 года, подчинённая единственной цели — не напугав американское общество, оттянуть прокол “ипотечно-деривативного пузыря” и, соответственно, дестабилизацию экономики до президентских выборов 2008 года. Бесспорно, что постановка данной цели заметно усугубила последствия кризиса, — и при этом её всё равно не удалось достигнуть!

2. Творчество становится необходимостью: что с мышлением?

Повсеместное распространение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением, основанным не на последовательном применении логических умозаключений, а на озарениях, мышлении не тезисами, но образами.

В самом деле: ведь компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, недоступного человеку, — примерно так же, как калькулятор доводит до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил.

Мы ещё застали время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, — чтобы школьники сами научились умножать и делить в столбик. Но сегодня это умение практически не нужно: эту работу значительно лучше и надёжнее человека выполняет калькулятор, а нам остаётся лишь правильно сформулировать задачу.

То же самое, что калькулятор сделал с арифметикой, компьютер уже в обозримом будущем, — скорее всего, в ближайшее десятилетие — сделает с формальной логикой как таковой.

Это будет означать, что на долю человека выпадет недоступная компьютеру компонента мышления — мышление не логическое, но творческое, и конкуренция людей в рамках тех или иных коллективов и обществ будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления.

Соответственно, наибольшего успеха в конкуренции — как внутри обществ, так и в глобальном масштабе — будут достигать творческие люди и коллективы, в которых их доля будет максимальна, а сами они будут играть наиболее значимую роль.

И всё бы ничего — согласитесь, что предыдущий абзац звучит вполне невинно и политкорректно, — если бы не общеизвестный медицинский факт: творческие люди по типу своей психологической организации, как правило, являются шизоидами.

Да, конечно, не шизофрениками, — это совершенно разные вещи, — но для творческого труда максимально приспособлен, скажем так, неуравновешенный тип личности. И простые статистические данные о характере и жизненном пути творческих людей в самых разных сферах общественной жизни это весьма убедительно подтверждают.

А теперь напомним, что ночной кошмар любого управленца: трудовой коллектив (если вообще не стая) шизоидов, — станет в условиях недалёкого будущего наиболее эффективным и наиболее конкурентоспособным!

Понятно, что сегодняшние системы управления, сформировавшиеся в прошлой реальности, в принципе не приспособлены для таких ситуаций, — и потому кардинальным образом изменятся. И, поскольку именно система управления непосредственно задаёт принципы организации человеческого общества, коренное изменение её характера будет означать и глобальное изменение самого общества!

Но у проблемы есть и иная сторона.

Дело в том, что способности к творчеству – в значительно большей степени, чем традиционно значимые для конкуренции способности к обучению и формальной логике – определяются врожденными свойствами каждого из нас. Конечно, их тоже можно развить, – но в существенно меньшей степени, чем логические способности и способность оперировать теми или иными фактами.

Роль генетического фактора здесь значительно выше социального, – и, значит, конкуренция людей между собой и социальный статус каждого из них в значительно большей, чем раньше, степени будет определяться врожденными, не поддающимися сознательной коррекции факторами.

Снижение значения социальных факторов при росте значения факторов сугубо биологических для такого “общественного животного”, каким является человек, означает принципиальное изменение самого его облика.

Противоречие между социальным статусом отдельного человека и его принадлежностью от рождения к той или иной социальной страте, с одной стороны, и его личными способностями, с другой, будет качественно усилено.

Понятно, что все силы общества будут брошены на пробуждение в детях творческих способностей, – и на этом пути будут достигнуты, вероятно, фантастические, непредставимые для нас сегодня успехи, – но суть изменения не вызывает сомнений: социальная конкуренция, социальный отбор будут вестись на базе биологических по своей сути параметров.

Отдельный человек в значительно меньшей степени, чем сегодня, будет “творцом своей судьбы”.

Произойдет “биологизация” человеческого общества, и оно начнёт напоминать муравейник или другой коллектив насекомых, где место каждого определено от рождения, а значение собственной свободной воли значительно меньше, чем мы привыкли считать достойным для себя.

3. Закон сохранения рисков: природа перестраивает отношения с человеком

Безумный, вышедший из-под всякого контроля рост производных ценных бумаг, раздача заведомо безвозвратных ипотечных кредитов и многоуровневая “перепаковка рисков”, ставшие непосредственными причинами глобального финансового кризиса, производят на неподготовленного наблюдателя шоковое впечатление.

В самом деле, трудно себе представить, почему банкиры – здравые, вполне рациональные, высокопрофессиональные и хорошо образованные люди – в принципе не могли оценить риски приобретаемых ими финансовых продуктов и даже не понимали, чьи конкретно обязательства и в какой степени в них входят.

Стандартные объяснения, помимо естественной для спекулянта (пусть даже и финансового) алчности, указывают на объективную потребность американской экономики в накачивании спекулятивного “финансового пузыря” для стимулирования продолжения её роста. Кроме того, понятно, что увеличение объёма ипотеки (в том числе и даже в особенности безвозвратной) представляло собой замаскированный способ обеспечения социальной помощи, необходимой в условиях стремительного размывания (а говоря проще, разорения) американского “среднего класса”.

Такие объяснения правильны, но они носят макроэкономический характер, объясняя общественную потребность в этих вопиющих безобразиях.

Между тем, помимо общественной потребности, существовала ещё и потребность инвесторов, – и вот эту причину кризиса, лежащую на микроуровне, на уровне отдельных субъектов экономики, наблюдатели почему-то обычно не замечают.

Многоуровневая “перепаковка рисков”, приведшая к полной утрате регулируемыми органами (не говоря уже о субъектах рынка) всякого контроля за обращающимися на рынках обязательствами, выполняла важнейшую экономическую функцию – страхование рисков инвесторов.

И на этом пути было достигнуто выдающиеся успехи: по данным проведенных исследований, благодаря многоуровневой системе деривативов рис-

ки инвестора, вкладывающего свои средства в первоклассные облигации американской корпорации, были на порядок — примерно в десять раз! — ниже рисков самой этой корпорации.

Это позволяло получать практически гарантированную доходность, и именно выполнение указанной инвестиционно необходимой функции обеспечило бурное развитие деривативов и, соответственно, раздувание спекулятивного “финансового пузыря”.

США, — а с ними и весь мир, так как их экономика является основой мировой, — столкнулись с действием закона сохранения рисков, по которому **общая величина рисков в большой системе примерно постоянна**. В результате снижение индивидуальных рисков неминуемо ведёт к перекалыванию этих рисков на более высокий уровень. В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски настолько, что это, как правило, обеспечивает разрушение системы.

Именно это произошло в Америке. Но то же самое происходит и с человечеством в целом!

В частности, постепенное улучшение системы здравоохранения, позволяя не просто выживать, но и жить полноценной жизнью даже самым больным людям, неизбежно ухудшает тем самым генофонд человечества, существенно повышая общечеловеческие риски. Ухудшение генофонда проявляется, в частности, в распространении новых болезней, не поддающихся не только лечению, но часто и диагностированию; их список, помимо гепатитов С и Д, а также знаменитого СПИДа, не так давно пополнил грипп “птичий”, а теперь и “свиной” грипп.

Весьма значимым с этой точки зрения представляется и рост смертности от онкологических заболеваний.

По данным исследователей из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), уже к 2010 году основной причиной смерти людей станет рак, а к 2030 году число смертей от него может вырасти более чем вдвое. Специалисты ВОЗ считают, что только в 2009 году число случаев заболевания раком составит в мире 12 млн, а количество смертей от данного недуга — 7 млн. К 2030 году ожидается, что ежегодное число случаев заболеваемости раком будет составлять 27 млн, а количество смертей от онкологических заболеваний достигнет 17 млн.

Несомненно, причиной роста заболеваемости раком является в том числе и удлинение человеческой жизни.

Ведь ещё в начале XX века главными причинами смерти были травмы и инфекционные заболевания, в том числе эпидемии и туберкулёз, от которого умирал, в частности, каждый третий житель Петербурга. Когда эти причины смерти были побеждены здравоохранением — дизентерию, холеру и тиф стали достаточно эффективно лечить, туберкулёз прививать ещё в роддоме, об оспе и чуме стали вообще забывать, — на первое место выдвинулись причины смерти, являющиеся как бы “естественными”: атеросклероз сосудов и злокачественные новообразования.

Многие исследователи даже считают, что эти два недуга просто представляют собой механизм “естественной смерти” для организма всякого млекопитающего — не только человека. Однако в развитых странах разработали методики вмешательства, в том числе и хирургические, позволившие резко продлить жизнь человека, страдающего ишемической болезнью сердца, в результате чего на первое место в развитых странах выходит бывший “убийца номер два” — рак.

Грубо говоря, тот, кому было суждено умереть от инфаркта и кто избежал этой участи благодаря медицине, теперь должен умереть от рака.

Другим фактором проявления “закона сохранения рисков” в общепланетарном масштабе представляется изменение климата. Сейчас уже ясно, что картина значительно сложнее вульгарного “глобального потепления”, которым нас привыкли пугать: происходит именно изменение климата, различное в различных регионах планеты: мягкий климат становится мягче, континентальный — континентальнее, и эта картина дополняется аномалиями вроде сильных холодов в традиционно тёплых районах.

Обеспечивая индивидуальный комфорт своих членов, человечество нарастило производство энергии до такого уровня, когда оно нарушило климатический баланс планеты и создало качественно новые глобальные риски, масштабы которых просто не поддаются оценке.

Рост стихийных бедствий и климатических аномалий, опережающий рост сложности технологической организации человечества, рост не поддающихся лечению или слабо диагностируемых заболеваний, ухудшение психологического состояния людей, падение качества управления, рост разнообразных вооружённых конфликтов, — каждое из этих явлений по отдельности имеет своё собственное, отличное от других, связанное исключительно с соответствующей сферой объяснение.

Однако в целом они складываются в картину роста неблагополучия, свидетельствующую об исчерпании традиционной модели взаимодействия человечества с планетарным природным комплексом, частью которого оно является. Исчерпание потенциала старой модели означает начало перехода к новой, которая ещё непонятна для нас, но может потребовать существенных изменений привычного нам образа жизни.